

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.2.9

РОССИЙСКАЯ СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ ВЫНУЖДЕННОЙ ИЗОЛЯЦИИ

Юревич Андрей Владиславович¹

¹Институт психологии РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

По мнению автора, российская наука и прежде находилась в состоянии, близком к вынужденной изоляции, в результате чего напоминала автомобиль с односторонне прозрачными стеклами: мы хорошо представляли происходящее в западной науке, она имела смутные представления о происходящем в нашей стране. Автор полагает также, что ослабление связей с западной наукой неизбежно обернётся укреплением связей с наукой восточной, прежде всего с китайской и индийской, а в структуре проблематики, изучаемой социогуманитарными дисциплинами, на видные места выйдут такие проблемы, как миграция населения, конфликты мигрирующего и принимающего населения и т. д., особо обостряющиеся во время войн. Эта наука, по всей видимости, будет больше внимания уделять странам, существующим в условиях вынужденной изоляции, – Ирану, Северной Корее, Кубе и др. Автор считает недальновидной политику Запада, заключающуюся в исключении России из международных ассоциаций учёных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

российская социогуманитарная наука, вынужденная изоляция, учёные, утечка умов, Запад, политика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Юревич А. В. Российская социогуманитарная наука в условиях вынужденной изоляции // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 86–90.

DOI: 10.19181/sntp.2022.4.2.9

Надо отметить, что, если российская наука в результате украинских событий столкнётся с вынужденной изоляцией, она встретится с лишь отчасти новым для себя явлением. Во-первых, она и раньше находилась в частичной изоляции от западной науки, во-вторых, полная изоляция национальной науки возможна лишь в абстракции.

В начале 1990-х годов активизировалось посредническое звено между российской и западной наукой – наши эмигранты и полуэмигранты в западных странах, которые приезжали на наши научные конференции, участвовали в совместных исследовательских проектах и т. д. Однако, в отличие, скажем, от китайских эмигрантов, стремившихся помочь китайской науке за счёт зарубежных источников финансирования, наши эмигранты в основном посягали на отечественные источники. Кроме того, по манере поведения они напоминали людей, которые ожидают, что им на Родине поставят памятник за то, что они покинули её в трудную минуту, что, естественно, не нравилось живущим в России учёным. Так или иначе взаимовыгодное сотрудничество не состоялось, обе стороны остались недовольны, на месте посредников между российской и западной наукой возник вакуум, что сказалось на их контактах.

Сказался и дефицит в стране денег на науку. Мы не принимали, как в советские годы, многолюдные конференции, не имели достаточно средств и на отправку солидных делегаций за рубеж. А путешествовать туда за свои деньги большинство учёных воздерживалось, предпочитая ездить на отдых, а не для участия в научных мероприятиях. В результате российская наука оказалась, как пишет Е. В. Семёнов, в условиях, которые сопоставимы с ездой в машине с тонированными стёклами: мы прилично знали, что происходит в зарубежной науке за счёт чтения их журналов и т. д., они плохо представляли, что творится у нас. Такова была специфика частичной изоляции российской науки в годы, предшествовавшие украинским событиям.

Необходимо также осознавать, что полная изоляция национальной науки в принципе невозможна. Российские учёные будут читать зарубежные журналы, которые имеются в свободном доступе в интернете, у многих из них есть друзья в западных странах, для которых приоритетны личностные, а не политические ценности. В силу всего этого связь между российской и западной наукой сохранится, хотя, наверное, межличностного общения учёных станет меньше из-за западных санкций. Российская наука по-прежнему будет напоминать автомобиль с тонированными стёклами, хотя тонировка на них, наверное, станет плотнее.

В советской науке было наблюдаемо явление, которое можно назвать «социальным гетерозисом». Выращенные за железным занавесом ответвления научной мысли были интереснее для Запада и выше ценились им, чем порождения открывшейся ему постсоветской науки. Например, в западной психологии очень популярна теория Л. С. Выготского, который по индексу цитирования вышел на передовые позиции в мировой науке. Эта концепция имела «советское» содержание, охватывающее контекст, которого остро не хватает западной науке, и сформирована могла быть только в советских условиях. Так что неверно было бы видеть в относительной изоляции российской науки только отрицательные стороны.

Но что делать сейчас – в условиях, когда вынужденная изоляция российской науки грозит усилиться? Прежде всего, не придавать водоразделу между российской и западной наукой идеологического характера, как это случалось в советские годы.

Ограничения контактов с западной наукой неизбежно приведут к тому, что уплотнятся связи с наукой не западных стран, прежде всего Китая и Индии. Конечно, китайский язык труден для изучения, по крайней мере, европейцами, а отечественных специалистов по Китаю можно пересчитать по пальцам. Но их обязательно станет больше, а китайский язык пока не занял место среди иностранных языков, изучаемых российскими студентами, в соответствии с новой ролью этой страны в международных отношениях, но можно не сомневаться, что займёт. Что касается Индии с традиционно большой ролью в ней английского языка, то для укрепления связей с ней нужно одно – желание российских учёных сотрудничать. Таким образом, нетрудно предсказать китайско-индийскую переориентацию российской науки.

Можно вспомнить статью эстонского психолога – А. Тоомела, выражающего сожаление по поводу того, что долгие годы развития психологии по англо-американскому пути прошли впустую (в его терминах – оказались выброшенными в пепельницу). Так или иначе китайско-индийская переориентация отечественной социогуманитарной науки, наверняка, вызовет её большее методологическое разнообразие.

Применительно к ряду социогуманитарных наук можно констатировать, что развитие по англо-американскому пути вело их к ассоцианистской парадигме, состоявшей в том, что каждое новое исследование вычленяло в изучаемой реальности один частный аспект, который подвергался всестороннему изучению. Ориентация на китайско-индийскую модель науки будет означать, что большое распространение получит холистическая парадигма, ориентированная на целостный охват этой реальности. Этому может также способствовать преобладание в российской социогуманитарной науке того, что Х. Балзер назвал «господством доски и мела», противостоящим высоко-технологичной западной науке.

Значимые изменения, по всей видимости, произойдут и в структуре отечественного страноведения. Можно предположить, что Россия проявит гораздо больший, чем сейчас, интерес к тем странам, которые вынуждены существовать в условиях западных санкций, – Ирану, Северной Корее, Кубе, особенно к тем, кто неплохо справляется с этими санкциями. Вообще резонно

ожидать существенных изменений в тематике социогуманитарных исследований, например, куда большее значение миграции населения, конфликтов мигрирующего и принимающего населения и др. В тематической структуре социогуманитарной науки, по всей видимости, появятся новые темы, а глобалистика окажется потеснённой фрагментацией как распадом единого интернационального социокультурного пространства под влиянием политических факторов.

Можно предполагать, что в условиях вынужденной изоляции российской науки от западной исчезнет и утечка умов, которую многие считают одной из основных проблем нашего общества со времён распада СССР. Хотя некоторые цифры, приводимые исследователями этой проблемы, излишне алармистские и преувеличивают её истинный масштаб, она, безусловно, значима для современной России. Вынужденная изоляция отечественной науки от западной создаст условия для самореализации учёных, особенно молодых, только в нашей стране, что будет иметь и свои минусы, прежде всего, для них самих, и свои плюсы, главным образом, для национальной науки. Вообще санкции западных стран, по всей видимости, окажут существенное влияние на миграционные и туристические потоки из России.

Опасность, поджидающая отечественную науку, в особенности социогуманитарную, – дальнейшее нарастание дистанции от власти и отстранение от выполнения ею экспертной функции. И сейчас от имени науки на политиков в основном влияют «учёные», в большинстве своём руководители независимых исследовательских центров, которые в науке не известны. Эти люди обладают особыми качествами, среди которых главное – беспринципность, что ярко проявилось во время кризиса, обещающего привести к вынужденной изоляции российской науки. Если бы на их месте были настоящие учёные, всё могло бы быть по-другому. И заполнение этими людьми места посредников между мирами учёных и политиков наносит нашему обществу большой вред.

Довольно рискованно и стремление наших западных визави (партнёров – в утвердившейся благодаря распространению политического дискурса терминологии) исключить Россию из всех или из максимально возможного числа международных ассоциаций. По данным Левада-Центра, около пятой части населения России не поддерживает введение войск на Украину, можно предположить, что среди интеллигенции доля оппозиции этой акции ещё выше. Как поступит она в условиях отлучения от международной общественности, трудно предугадать. Не исключено, что, проявив *большую* консолидацию с властью, и достигать западных целей было бы лучше, не исключая Россию из ассоциаций, объединяющих интеллигенцию. А дискриминация по национальному признаку россиян, живущих в европейских странах, США и Канаде, может привести к тому, что их возвращение в Россию вызовет новый уровень консолидации нации. Так что политика западных стран в этом отношении может оказаться недалёковидной.

Статья поступила в редакцию 18.04.2022.

Одобрена после рецензирования 09.06.2022. Принята к публикации 14.06.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Юревич Андрей Владиславович *av.yurevich@mail.ru*

Доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора, Институт психологии РАН, Москва, Россия

AuthorID РИНЦ: 1353

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.2.9

RUSSIAN SOCIO-HUMANISTIC SCIENCE IN CONDITIONS OF FORCED ISOLATION

Andrey V. Yurevich¹

¹Psychology Institute of the RAS, Moscow, Russia

Abstract. According to the author, Russian science was in a state close to forced isolation before, as a result of which it resembled a car with one-sided transparent windows: we had a good idea of what was happening in Western science, it had vague ideas about what was happening in our country. The author also believes that the weakening of ties with Western science will inevitably result in strengthening ties with eastern science, primarily with Chinese and Indian, and in the structure of the problems studied by socio-humanitarian disciplines, will be such problems as population migration, conflicts of the migrating and receiving population, etc., which are particularly aggravated during wars, will come to prominence. This science, most likely, will pay more attention to countries that exist in conditions of forced isolation – Iran, North Korea, Cuba, etc. The author considers the short-sighted policy of the West, which consists in excluding Russia from international associations of scientists.

Keywords: Russian socio-humanitarian science, forced isolation, scientists, brain drain, the West, politics

For citation: Yurevich, A. V. (2022). Russian Socio-Humanistic Science in Conditions of Forced Isolation. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 4, no. 2. P. 86–90.

DOI: 0.19181/smtp.2022.4.2.9

The article was submitted on 18.04.2022.

Approved after reviewing 09.06.2022. Accepted for publication 14.06.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yurevich Andrey *av.yurevich@mail.ru*

Doctor of Psychological Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director, Psychology Institute of the RAS, Moscow, Russia

AuthorID RSCI: 1353